

УДК 159.9

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

П.Н. Устин

Аннотация

В статье на базе концепции человека как субъекта развития рассматривается роль этического начала личности как основы безопасности ее жизнедеятельности в системе межличностного взаимодействия. Показана роль субъекта в разнообразных экстремальных ситуациях, и дается анализ возможных механизмов, влияющих на их развитие.

Понятие безопасности предполагает наличие другой, противостоящей ей категории – опасность. В рамках рассмотрения безопасности жизнедеятельности субъекта такими опасностями являются экстремальные ситуации. Каждый человек сталкивается в жизни с различного рода ситуациями, которые расцениваются как экстремальные и во многом определяют особенности его жизнедеятельности. Характер преодоления (переживания) экстремальных ситуаций во многом определяет дальнейшую судьбу человека и особенности его жизненной активности. Поэтому актуальность проблемы безопасности жизнедеятельности субъекта очевидна. В современном мире с усложнением системы жизнедеятельности всего человечества данная проблема приобретает еще большую значимость, так как активность человека зачастую выступает причиной, порождающей различного рода экстремальные ситуации, которые несут потенциальную угрозу его жизни и благополучию.

Экстремальная ситуация интегрирует в себе два понятия – экстремальность и ситуация. При анализе экстремальности можно обратиться к исследованиям В.А. Пономаренко, который считает, что экстремальность как особый механизм естественного отбора является обязательным спутником жизни человека в системе его многообразных отношений с миром и выступает основой формирования защитно-приспособительных механизмов [1]. При этом проявления экстремальности в жизни субъекта определяются крайним выражением любого вида воздействия на его психическую активность. В этом плане логично, что «экстремальность в жизненно-личностных, профессиональных, социальных ситуациях требует от человека исключительных, прежде всего духовных, нравственных, психофизических качеств, обеспечивающих ответное системное деяние в виде мужества, преодоления, взвешенной разумности» [1, с. 38].

Результат экстремальности может иметь либо конструктивный, либо деструктивный характер для субъекта. Деструктивный характер экстремальности имеет в случае отсутствия адекватных ситуации приспособительных механизмов.

мов, когда экстремальность приобретает черты, угрожающие разрушением целостности человека.

Экстремальность проявляется через внезапность, неожиданность и тем самым неготовность человека к ней. На психологическом уровне, как замечает В.А. Пономаренко [1], это проявляется в неспособности организовать интеллектуальный процесс прогнозирования (через недостаточный уровень волевых процессов). Поэтому при взаимодействии психического с экстремальным особая роль отводится именно трансцендентным оценочным механизмам. Данные механизмы проявляются через дух, нравственность, честь, достоинство, добродетельность, долг, жертвенность, а также через ответственное отношение к себе, к людям, к миру. И именно в этом отражается истинный смысл психического – преодоление стереотипности и «синдрома колеи». Таким образом, конструктивный результат в преодолении экстремальности возможен через активацию самостоятельного начала, которое отражает истинную субъектность человека.

Понимание ситуации, а точнее, характера ее влияния на человека традиционно рассматривается представителями разных школ через призму собственных представлений. В этой связи Е.В. Улько [2] дает анализ основных зарубежных подходов к сущности и роли ситуации для человека.

В рамках первого подхода особое внимание уделяется значению внешних характеристик среды. В этом случае ситуация выступает внешним явлением по отношению к человеку и определяет его активность. Наибольший вклад в данное направление был внесен представителями поведенческой школы (Дж. Уотсон, Б. Скиннер, М. Дойч, М. Шериф и др.).

В рамках второго направления в изучении взаимодействия человека и ситуации основной акцент ставится на личность, которая понимается как автономная и саморазвивающаяся система, практически независимая от внешних воздействий среды. В данном направлении работали представители психодинамического направления (З. Фрейд, К. Хорни, А. Адлер и др.).

Третье направление (К. Левин, Д. Магнусон, Л. Росс, Р. Нисбетт, У. Найссер и др.) рассматривает в неразрывном единстве человека и ситуацию, которые выступают взаимозависимыми переменными. Рассмотрение этических оснований безопасности жизнедеятельности субъекта соотносится именно с позициями авторов третьего подхода и, более того, отражает основные методологические принципы отечественной психологии. Именно взаимодействие человека и экстремальной ситуации предполагает включенность субъекта в ситуацию и возможности управления ею.

Экстремальные ситуации, отражающие особенности взаимодействия человека и среды, по критерию происхождения делятся на природные, техногенные и психологические. Степень критичности каждой из них определяет последствия для индивида. В центре каждого из трех типов ситуации всегда находится человек, который сталкивается с угрозой жизни или благополучию. Однако в генезисе каждой из этих ситуаций роль субъекта неодинакова.

В экстремальных ситуациях природного происхождения в большей степени играют роль естественные процессы. Землетрясения, цунами и другие природные явления выступают теми потенциальными опасностями, которые сопровождают человека на протяжении всей его истории и по большей части ос-

таются неподвластными управлению. С другой стороны, усиление прогресса способствует тому, что человек пытается овладеть силами природы и, в свою очередь, может спровоцировать естественные процессы.

Техногенные экстремальные ситуации уже в гораздо большей степени определяются именно активностью человека. Непрерывный процесс научно-технического развития способствует постоянному усложнению машин как новой реальности, порождаемой самим человеком. Однако параллельно с техническим совершенствованием происходит усиление вероятности и критичности экстремальных ситуаций техногенного характера. Увеличение машин повышает вероятность аварий с их участием, усложнение технических средств повышает возможности их поломки и т. д. Таким образом, машины и технические сооружения выступают своеобразным промежуточным звеном между экстремальной ситуацией и субъектом.

Экстремальные ситуации психологического характера уже возникают в социальном пространстве, а в основе их развития находится только человек. Он сам эти ситуации порождает, переживает и получает определенный результат. Общество как саморазвивающаяся система социальных связей и отношений, по справедливому замечанию Э.В. Сайко [3], органически входит в другую, более широкую систему «Человек-Природа». Однако в ней оно занимает особое место в силу того, что его субъекты развивают принципиально новые отношения, выходящие за пределы природных закономерностей.

Итак, проблема безопасности жизнедеятельности определяется прежде всего ролью человека как субъекта своей деятельности, отношений, направленности. К настоящему времени категория субъекта наиболее полно и целостно отражает понимание человека как саморазвивающейся системы и выступает предметом изучения значительной части современных исследований. Истоки субъектного подхода коренятся в работах философов (И. Кант, М. Хайдеггер, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др.) и первых психологов-экспериментаторов (В.М. Бехтерев, Г.И. Челпанов) [4]. Однако наиболее целостное понимание данного феномена было представлено в работах С.Л. Рубинштейна [5].

Автор в своей статье «Принцип творческой самостоятельности (к философским основам современной педагогики)» закладывает методологические основы субъектно-деятельностного подхода. В числе основных и ключевых моментов данного подхода выделяется то, что люди и их психика в первую очередь формируются и развиваются на основе своей деятельности (практической и теоретической) [5], которая всегда субъектна, предметна и в той или иной степени творческая и самостоятельная, а общее направление психического развития определяется непрерывным взаимодействием внешнего и внутреннего [6].

Дальнейшая проработка (К.А. Абульханова [7], А.В. Брушлинский [6], А.Л. Журавлев [8], В.В. Знаков [9], Л.М. Попов [10] и др.) проблемы субъекта к настоящему времени позволила существенно расширить содержательное поле данной категории. При этом, как отмечает В.В. Знаков [9], прежде всего благодаря работам А.В. Брушлинского, соединившего различные методологические позиции (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), психология субъекта представляет собой целостную и системную область психологического знания.

В отношении самого субъекта А.В. Брушлинский пишет: «Субъект – это человек, люди на высшем (индивидуализировано для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т. д.» [6, с. 21]. Более того, это «прежде всего свободный человек» [6, с. 18].

В работах В.В. Знакова [9] показано, что анализ категории субъекта, представленный в исследованиях, затрагивает три основных плана: динамический, структурный и регулятивный. Динамический план включает рассмотрение процессов развития субъекта во времени и пространстве (внешнем и внутреннем). Как показывают исследования Е.А. Сергиенко [11], уже на этапе внутриутробного развития проявляются первые признаки субъектности – так называемый протосубъектный уровень.

Структурный план предполагает выделение видов активности, которая выступает атрибутивным признаком субъектности. В работах А.В. Брушлинского [6], опирающегося, прежде всего, на позиции субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна [5], были существенно расширены границы активности как фактора детерминации психики. Детерминизм рассматривается через такие виды активности, как познание, действие, созерцание, индивидуальное развитие.

Регулятивный аспект предполагает рассмотрение субъекта через проблему детерминации психики, где психическое выступает как высшая форма отражения действительности и регуляции всей жизнедеятельности человека, его развития и всех форм активности. При этом субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой. Основой и центральным ядром человека как субъекта выступает самостоятельное начало, то есть его самопроцессы (самосознание, самореализация, самоопределение и др.).

Итак, субъект проявляет себя через разнообразные формы взаимодействия с миром, где значимое место отводится именно внутренним условиям, которые выступают первопричиной его активности. Признание особой значимости внутренних условий предполагает, как отмечает большинство исследователей (С.Л. Рубинштейн [5], А.В. Брушлинский [6], К.А. Абульханова [7], В.Н. Мясищев [12], В.В. Знаков [9], Л.М. Попов [10] и др.), становление человека субъектом через его развитие в сфере нравственных поступков как высшей формы взаимодействия с окружающей действительностью. Однако субъектность включает в себя неразрывное единство внутреннего и внешнего, индивидуального и социального, поэтому она проявляется, прежде всего, в его социально-психологическом пространстве при взаимодействии с окружающими людьми. Так, например, В.В. Знаков [9], развивая идею психологии бытия, подчеркивает значимость существования субъекта в мире именно с позиции «Я и другой человек». Таким образом, одним из центральных моментов при изучении субъекта должно выступать именно его этическое начало.

Акцентируя и фокусируя внимание именно на социальной сущности человека, С.Л. Рубинштейн пишет: «Этический субъект самоопределяется, и, самоопределяясь, он впервые самоосуществляется в своих деяниях. Но этическое деяние человека предполагает другого человека как другой этический субъект, потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности; в отношении к вещи есть лишь действие, есть лишь какой-нибудь физический или психический акт, но не деяние. Деяние есть лишь в отношении

человека к человеку, и в отношении человека к человеку есть только деяние. Самоопределение делает абсолютно очевидным, что этический субъект не есть изолированный индивидуум. <...> Я самоопределяюсь во всех отношениях к людям, в отношении своем ко всем людям – к человечеству как совокупности и единству людей. И лишь в единстве человечества определяется и осуществляется этический субъект. <...> Вне человечества и до или помимо него не существует человека как нравственной личности» [6, с.77].

Следовательно, выделение субъектного характера проблемы безопасности жизнедеятельности выводит нас на идею о том, что в основе психологических ситуаций экстремального характера значительная роль должна уделяться именно этическому аспекту, который предполагает включение поведенческих особенностей людей как субъектов взаимодействия. Характер же взаимодействия напрямую определяется степенью развития их этических характеристик. Данная позиция базируется на концептуальной модели человека как субъекта развития и саморазвития (Л.М. Попов [10]), в русле которой особенности экстремальных ситуаций должны рассматриваться, прежде всего, с позиции внутренних детерминант. В данной модели этическое начало выступает в составе детерминантного комплекса психологической организации человека. Этический слой включает в себя систему черт, отражающих особенности отношения к окружающему миру конкретного человека, дает представление о его духовной ориентации и может характеризовать как субъекта с конструктивной или деструктивной направленностью. В этой связи выглядит созвучным утверждение А.В. Брушлинского [6], что дух, душа и духовное являются не надпсихическими образованиями, а различными качествами психического, которые выступают его важнейшими атрибутами.

Е.Н. Волкова на основе анализа работ по экзистенциальной философии, психологии личности и социальной психологии выводит принцип меры как необходимой сущности человека, позволяющей ему при преобразовании мира самостоятельно определять границы преобразования и своего вмешательства [13]. По сути, эта мера и определяется таким высшим личностным конструктом, как нравственность.

Итак, при выделении этической составляющей безопасности жизнедеятельности субъекта особый акцент ставится именно на систему его взаимоотношений в социально-психологическом пространстве. Под отношением человека, согласно В.Н. Мясищеву, можно понимать «сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях» [12, с. 48]. Отношения в социально-психологическом пространстве проявляются через процессы межличностного взаимодействия, в основе которых лежат объективно переживаемые и в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми.

В любой экстремальной ситуации можно выделить как человека, непосредственно в нее вовлеченного, так и других людей, выступающих сторонними наблюдателями, то есть этический анализ любой экстремальной ситуации предполагает рассмотрение как ее субъекта, взаимодействующего в ней, так и субъектов, не взаимодействующих в ней, но имеющих к ней отношение.

Прежде всего мы обратимся к рассмотрению роли сторонних наблюдателей в развитии экстремальных ситуаций. Проведенный ранее анализ позволяет говорить, что среди разнообразных форм активности человека как субъекта одной из наиболее значимых выступает его система отношений к миру. Например, К.А. Абульханова [7] предлагает раскрывать психологическую природу субъекта именно через его совокупность отношений к людям. На наш взгляд, причины многих экстремальных ситуаций психологического характера кроются в особенностях отношения к ним сторонних людей, не вовлеченных напрямую в эти ситуации.

Рассмотрим проблему этического отношения к экстремальным ситуациям на примере терроризма. Масштабы современного терроризма позволяют говорить о том, что данное явление приобретает все более массовый и угрожающий характер и его усиление в современном мире начинает выступать угрозой выживания людей. Терроризм является сложным социально-психологическим феноменом, затрагивающим различные стороны человеческого бытия. При этом, с одной стороны, терроризм – это проявление внутреннего мира отдельного субъекта, с другой – следствие того социально-психологического пространства, в котором субъект террористической деятельности проявляет свою деструктивную направленность. С одной стороны, терроризм – это проявление личностных особенностей террориста, с другой – это отношение окружающих к данной проблеме, то есть отражение личностных особенностей людей, не имеющих к терроризму непосредственного отношения. В данном ракурсе наибольшую значимость приобретает именно неоднозначное отношение к терроризму со стороны законопослушного социума.

Человек может искренне переживать одни трагические события и иронично или даже цинично относиться к другим. Более того, некоторые террористы могут даже восприниматься как герои и борцы с несправедливостью, а другие – как злодеи и бандиты, несмотря на то что и те, и другие несут одно – страх, разрушения и смерть. Опасность подобного отношения заключается и в том, что в представлении многих людей данный двойной стандарт выступает нормой. В этом плане можно привести в пример утверждение Д.В. Ольшанского, который замечает, что «...терроризм часто опирался на определенное сочувствие со стороны тех, кто не был его жертвами. Поэтому всегда множились и продолжают множиться ряды террористов» [14, с. 58].

Более того, помимо терпимого или даже симпатизирующего отношения нейтральных людей к терроризму и террористам, встречаются парадоксальные типы взаимодействия, когда симпатия возникает даже у жертвы – так называемый «стокгольмский синдром». В этом случае в работу вступают особые психологические механизмы, которые анализируются в специальных исследованиях данного явления (например, особенности каузальной атрибуции в условиях зависимости от террориста, «истерия облегчения» после освобождения от агрессора, механизм психологической защиты «идентификация с агрессором»).

Однако в рамках рассмотрения этических аспектов отношения к экстремальным ситуациям наибольший интерес представляет именно противоречивое отношение к терроризму со стороны нейтрального к нему человека, которое проявляется через позицию «двойного стандарта». Даже трагические события

11 сентября некоторые россияне оценивали как справедливую кару «ненавистным янки».

В основе неоднозначного отношения к терроризму можно выделить компенсаторные механизмы, потребность во встрясках и аффективно заряженных событиях, поведенческие паттерны.

Наличие компенсаторных механизмов. В норме одним из ведущих активаторов поведения человека является его стремление к достижению жизненных планов. Когда достижения соотносятся со стремлениями, то человек получает самоудовлетворение, а когда нет, в работу вступают компенсаторные механизмы. В данном случае мы имеем в виду то, что Ф. Ницше [15] определял как «психологическое самоотравление», а Э. Фромм [16] называл «иррациональной ненавистью». Неудовлетворенность собой порождает глубокое внутреннее напряжение, которое в свою очередь запускает реакции защиты от несоответствия «Я идеального» с «Я реальным». И тогда человек может начинать защищаться через враждебность к тем, у кого все в порядке («Так вам и надо!!!»). Другим вариантом защиты могут стать реакции переноса, как пишет Д.В. Ольшанский: «Одобрив террор, люди проецируют на совершенного террористом собственные, по различным причинам неосуществимые мотивы, желания и потребности» [14, с. 56]. Это связано с тем, что «явное или неявное одобрение террора – очень удобная, психологически мало травмирующая человека форма признания собственной несостоятельности при внутренне скрытом желании быть состоятельным» [14, с. 56].

Однако противоречивое отношение к террористам может быть и среди людей, достигших больших успехов. В этом случае мы можем уже говорить о наличии так называемого невротического соперничества (К. Хорни). При невротическом соперничестве человек чувствителен к малейшим неудачам и редко наслаждается достигнутым. Его стремление к «перфекционизму» приводит к внутреннему конфликту, отражением чего становится скрытая враждебность, которая проявляется через такую установку, как «никто, кроме меня, не должен быть красивым, способным, удачливым». В результате человеку становится значительно важнее видеть других побежденными, чем пытаться преуспеть самому [17].

Потребность во встрясках и аффективно заряженных событиях. Каждый человек нуждается в аффективных переживаниях и постоянной эмоциональной подпитке. Однако, в силу однообразия и обыденности жизни, этих эмоциональных переживаний может быть недостаточно в окружающем его пространстве. В этом случае человек обращается к различного рода заменителям: кто-то смотрит боевики или мыльные оперы, а кто-то занимается экстремальными видами спорта. Некоторые же начинают питаться чужим горем, то есть, можно сказать, проявляют «эмоциональный вампиризм». И в этом случае отношение к терроризму проявляется через два противоположных переживания – либо горе, либо радость.

К данному типу механизмов также можно отнести и романтические чувства, возникающие по отношению к терроризму, когда террористы воспринимаются как герои. К примеру, такое отношение часто отмечалось к бойцам боевой группы эсеров со стороны простых людей в царской России. Объяснение данного феномена мы находим у Д.В. Ольшанского, который отмечает, что «тер-

рорист – фигура в ореоле борьбы, а глубинная потребность в борьбе свойственна людям хотя бы в силу их животного происхождения. Террор – метод борьбы. Значит, пока есть борьба, будет террор и будет, помимо негативного, еще и достаточно заметное позитивное к нему отношение. А это означает, что террор не только имел, но и долго еще будет иметь под собой определенную психологическую почву» [14, с. 56].

Особенности поведенческих паттернов. Развитие человека определяется не только внутренними условиями (самопроцессами), но и внешним, окружающим его пространством (психологическим, культурным, политическим и т. д.). И здесь механизмы неоднозначного восприятия терроризма мы будем понимать в русле поведенческого направления, то есть как результат особенностей научения. Таким результатом может быть и наличие деструктивных моделей поведения, и отсутствие эмпатического сопереживания (не научили), и восприятие мира через призму «свой – чужой». Последнее было особенно характерно для периода холодной войны, когда весь мир делился на друзей и врагов и когда несчастья у врагов воспринимались как радость для друзей. К данному механизму также может относиться привыкание. Для человека, который постоянно видит трагические события (например, через средства массовой информации), они могут утрачивать свой устрашающий характер. Вследствие этого он начинает постепенно относиться к ним либо с безразличием, либо с юмором.

Перечисленные механизмы могут выступать детерминантами, определяющими характер отношения как к терроризму, так и к другим ситуациям, имеющим экстремальный характер. Однако в основе всех этих механизмов лежат особенности нравственного развития человека. Нравственное начало является неотъемлемым компонентом не только системы межличностного взаимодействия, но и всей жизнедеятельности субъекта. В рамках уже упомянутой концептуальной модели Л.М. Попова [10] нравственность выступает отражением этического слоя личности, под которым понимается система этических характеристик (черт), определяющая уровень развития ее человечности. Человечность же как совокупность этически конструктивных или этически деструктивных качеств определяет нравственные ориентиры человека в целом. В этом случае противоречивое отношение к экстремальным ситуациям может объясняться наличием таких этически деструктивных качеств, как цинизм, зависть, ревность и т. д.

Таким образом, именно особенности этической организации личности служат тем основным механизмом, который детерминирует специфику отношения к экстремальным ситуациям, в частности их противоречивого восприятия. Данный механизм, интегрируя в себе все остальные, выступает закономерным итогом и продуктом остальных, перечисленных ранее. Неправильное воспитание или нереализованность – все это сопутствующие детерминанты, которые, с одной стороны, влияют на особенности нравственного становления человека, но с другой – преломляются через его этическое начало (выступающее намного более сложным образованием, в основе которого лежит гораздо большее разнообразие факторов) и проявляются соответствующим образом.

В отношении особенностей человека, вовлеченного в экстремальную ситуацию психологического характера, этический механизм также является системообразующим. Ситуации конфликта, насилия, потери – все они сопрягаются

с особенностями этического поведения человека. При этом, как отмечает К.А. Абульханова, уровень этической зрелости личности определяется не столько следованием нравственным ценностям, сколько способностью гуманно относиться к другому человеку, строить и отстаивать отношения, достойные обоих [7]. И в этой связи возникает необходимость обращения еще к одной категории, имеющей в настоящее время широкую популярность, – толерантности.

В психологии толерантность имеет две основные трактовки: 1) как отсутствие или ослабление реакций на неблагоприятные факторы психофизиологического характера вследствие снижения чувствительности к их воздействию; 2) как устойчивость к социальному миру.

В современных исследованиях проблема толерантности больше разрабатывается в социальном аспекте и наиболее популяризирована в работах А.Г. Асмолова [18], который рассматривает ее как социальную норму. Однако, как справедливо отмечает В.Г. Третьяк [19], к настоящему времени отсутствуют системные исследования толерантности как психологической проблемы компромиссного сопряжения человеческой индивидуальности с системой социального устройства. Это проявляется в недостаточной разработанности проблемы готовности личности предоставлять другому свободу мысли и действия и в недостаточном понимании психологических механизмов формирования толерантности на разных психических уровнях.

Интересно представляется и понимание В.Г. Третьяком [19] двух основных закономерных результатов толерантности. Подходя к этой проблеме с позиций системности в изучении человека (на основе концепции интегральной индивидуальности В.С. Мерлина), он считает, что толерантность проявляется при взаимоотношениях субъекта жизнедеятельности со средой его обитания и служит адаптационным механизмом, который в зависимости от характера интегральной индивидуальности может проявляться в виде пассивности либо активности.

Пассивный вариант является следствием гомеостатического механизма и проявляется через разнообразные типы психологической защиты (подавление, отрицание и т. д.).

Активный вариант выступает в качестве высшего уровня проявления толерантности, то есть актуализации потенциальных возможностей индивидуальности при взаимопроникновении человека как системы и других систем (природа, человек, социальная система) с сохранением внутренней логики саморазвития.

Данные формы проявления толерантности сопрягаются с другими, выделенными А.В. Мудриком [20] при описании социальной адаптации. Автор под социальной адаптацией понимает как процесс постоянного приспособления человека к условиям социальной среды, так и результат такого приспособления. При этом данный процесс характеризуется либо преобладанием активности (воздействия на среду), либо преобладанием пассивности (подчинения среде).

Итак, проведенный анализ показывает, что экстремальные ситуации психологического характера выступают как проявление активности человека в социально-психологическом пространстве. При этом безопасность жизнедеятельности субъекта напрямую определяется особенностями развития его этического начала, которое проявляется через особенности его отношения как к другим людям, так и к себе.

Summary

P.N. Ustin. The Ethical Bases to Safety of Subject's Vital Activity.

The article considers role of personalities ethical construct as bases to safety to its vital activity in system of the interpersonal interaction. The consideration is based on the conceptual idea of L.M. Popov about psychological organization of human being as a development subject is considered. The role of subject is shown in varied extreme situations and analysis of possible mechanisms influencing their development is given.

Литература

1. Пономаренко В.А. Экстремальность и проблема отношения к профессиональной деятельности и в профессиональной жизнедеятельности // Мир психол. – 2006. – № 4. – С. 38–46.
2. Улько Е.В. Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия // Субъект, личность и психология человеческого бытия: Тр. Ин-та психологии РАН / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 294–306.
3. Сайко Э.В. «Объективное общественное бытие» – это «определенные содержательные отношения людей» // Мир психол. – 2006. – № 4. – С. 10–18.
4. Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 170 с.
5. Рубинштейн С.Л. Философско-психологические труды: основы онтологии, логики и психологии. – М.: Наука, 1997. – 462 с.
6. Брушлинский А.В. Психология субъекта / Отв. ред. В.В. Знаков. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2003. – 272 с.
7. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997. – С. 56–74.
8. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. – М.: Академ. проект, 2000. – С. 133–151.
9. Знаков В.В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия: Тр. Ин-та психологии РАН / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 9–44.
10. Попов Л.М. Кашин А.П. Старшинова Т.А. Добро и зло в психологии человека. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 176 с.
11. Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. – М.: Академ. проект, 2000. – С. 184–203.
12. Мясницев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева. – Воронеж: Ин-т практ. психологии, 1998. – 362 с.
13. Волкова Е.Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и к миру // Мир психол. – 2005. – № 3. – С. 33–40.
14. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
15. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Под ред. Я. Бермана, Г. Рачинского. – М.: Жанна, 1994. – 364 с.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – Назрань: АСТ, 1998. – 670 с.

17. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. – М.: Академ. проект, 2006. – 207 с.
18. На пути к толерантному сознанию / Отв. ред. А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. – 255 с.
19. *Третьяк В.Г.* Психология толерантной активности субъекта // Субъект, личность и психология человеческого бытия: Тр. Ин-та психологии РАН / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 226–234.
20. *Мудрик А.В.* Социализация человека. – М.: Академия, 2006. – 303 с.

Поступила в редакцию
15.11.07

Устин Павел Николаевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры кризисных и экстремальных ситуаций Казанского государственного университета.

E-mail: pavust@mail.ru